

© Баранов Ю.В.

ЗАКОН ОТ 3 ИЮНЯ 1886 Г. И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ

Аннотация. В статье исследуются основные положения закона и его правопримени- тельной практики. Трудности введения закона в жизнь были вызваны объективными и субъективными причинами. К объективным причинам отнесены противоречивость закона и недостаточное толкование понятий, а к субъективным – противодействие фабрикантов требованиям закона, низкая правовая культура рабочих и малочислен- ный состав инспекции. На фактическом материале показано, что фабриканты созна- тельно шли на нарушение закона из-за его несовершенства, а рабочие – по незнанию и отсутствию трудовой дисциплины. Закон 3 июня 1886 г. заложил правовые основы развития трудового права, но его дальнейшее совершенствование сдерживалось не- достаточным желанием царской бюрократии урегулировать отношения между фабри- кантами и рабочими на правовой основе.

Ключевые слова: фабричное законодательство, трудовое право, фабричная инспек- ция, рабочий, штраф, нарушения.

© Y. Baranov

THE 3 RD OF JUNE 1886 ACT AND ITS ENFORCEMENT

Abstract. The article is concerned with the basic Act regulations and its enforcement. Difficul- ties of the Act application were caused by both objective and subjective reasons. To objective reasons that hindered the act the author refers inconsistency of the law and insufficient inter- pretation of its concepts and to subjective – manufacturers' counteraction to the requirements of the Act, low legal culture of workers and not numerous staff of inspection. There is enough evidence to prove that manufacturers consciously violated the law because of its imperfection whereas workers were ignorant and lacked labour discipline. The 3 rd of June 1886 Act formed the legal bases of labour law development, but its further perfection was restrained by tsarist bureaucracy reluctance to regulate employers/ employee relationship on a legal basis.

Key words: factory law, labour law, factory inspection, worker, fine, penalty.

Развитие капитализма в России потребовало иных правоотношений между капита- лом и трудом. Появление публичного законодательства в сфере регулирования трудовых отношений было вызвано стремлением государства защитить интересы наемного работ- ника как более слабой стороны.

Закон от 3 июня 1886 г. заложил правовые основы развития института трудового до- говора [2]. Он кардинально изменил условия найма рабочих и их положение на фабрике.

Закон впервые установил: письменную форму заключения договора найма с вы- дачей рабочему расчетной книжки; список оснований прекращения и расторжения договора найма; сроки выплаты заработной платы; порядок взыскания и их размеры властью хозяина. И ввел запрет: на выдачу заработной платы в неденежной форме; на взимание с рабочих платы за врачебную помощь и пользование орудиями труда; на вычеты в уплату долгов за исключением сумм, задолженных за продовольствие и пред- меты потребления из фабричных лавок и др.

Для надзора за соблюдением на фабриках порядка и благоустройства закон создал губернские по фабричным делам присутствия. В состав фабричного присутствия входил-

ли представители местной администрации, суда, фабричной инспекции, земской и городских управ.

На губернские по фабричным делам присутствия *возложено издание обязательных постановлений о мерах для охранения жизни здоровья и нравственности рабочих, а также врачебной помощи рабочим; решение дел о нарушении устава о промышленности, совершенных заведующими фабриками или заводами; рассмотрение жалоб на распоряжения чинов инспекции и отмена в подлежащих случаях этих распоряжений; составление дополнительных правил, касающихся отношений к фабричному или заводскому управлению подручных рабочих, а также рабочих, работающих артелью или на отряд; разрешение сомнений, встречаемых чинами инспекции при применении закона.*

При губернских фабричных присутствиях существовал штат фабричных инспекторов. На инспекторов, кроме старых обязанностей, возлагались и новые: *наблюдение за исполнением фабрикантами и рабочими правил, определяющих обязанности и взаимные между ними отношения; осуществление распорядительных действий по применению обязательных постановлений и надзор за исполнением этих постановлений; рассмотрение и утверждение такс, табелей, расписания и правил внутреннего распорядка; принятие мер к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими в целях «мирлобивоого соглашения сторон»; возбуждение преследования и обвинение на суде виновных в нарушении закона.* О замеченных нарушениях закона сотрудники инспекции составляли протоколы с указанием своих заключений о размере взысканий с виновных и передавали в губернские по фабричным делам присутствия, мировым судьям или судебным следователям. За участие в стачках закон устанавливал уголовную ответственность.

Закон вводился в действие с 1 октября 1886 г. С этого момента рабочие при найме получали расчетную книжку во всех губерниях империи, но надзору фабричной инспекции подлежали промышленные предприятия только в трех губерниях: Московской, Санкт-Петербургской и Владимирской.

Правоприменение закона сдерживалось следующими факторами: наличием в законе противоречивых норм и недостаточное толкование некоторых понятий; нежеланием фабрикантов допускать вмешательство государства в хозяйственную сферу; существованием правового нигилизма рабочих; возросшим объемом работы и малочисленностью инспекторов.

Закон не содержал правового понятия «фабрика» и её отличие от «ремесленного заведения». Отсутствие данного понятия привело к первым столкновениям между фабричными инспекторами и фабрикантами. Хозяева стремились к тому, чтобы их предприятия считали «ремесленными заведениями», и тогда они не попадали под действие нового закона и продолжали бы грабить рабочих, против чего выступали фабричные инспекторы.

Согласно ст. 1 и 2 (Правил о надзоре) в Москве и Петербурге создавались городские (столичные) и губернские фабричные присутствия, но не была определена их подведомственность и право издания подзаконных нормативных актов. Непроработанность норм закона вызвала ожесточенные споры, началась вражда руководителей присутствий. «В результате постановленное в одном присутствии отменяется в другом и то, что считается нарушением закона вне города Москвы и влечет протокол (например, освещение за счет рабочих, а не хозяев), в столице считается вполне законным и, следовательно, безнаказанным...», – отмечал фабричный инспектор [6, 172].

Кроме того, в городских (столичных) фабричных присутствиях вместо членов земского и городского присутствий разрешалось вводить фабрикантов. В московское (столичное) по фабричным делам присутствия ввели двух фабрикантов, Санина и Коль-

чугина, которые отвергали любое предложение инспекторов, задевающих интересы предпринимателей [6,172].

Фабриканты, не согласные с замечаниями фабричных инспекторов при проверке их предприятий, могли жаловаться на их распоряжения в губернское фабричное присутствие. Из норм закона было не ясно, приостанавливалось ли выполнение распоряжения инспектора, пока жалоба рассматривается в губернском фабричном присутствии, или нет. И пока шло рассмотрение жалобы, фабрика существовала без правил внутреннего распорядка, и штрафы взимались произвольно. Принесение жалобы, как отмечал инспектор фабричный И. Янжул, являлось для каждого догадливого фабриканта легким способом удержать старый порядок на фабрике [6, 222].

Между тем фабрикантов практически невозможно было привлечь к ответственности за нарушение закона в фабричном присутствии. По откровенному признанию крупного петербургского фабриканта Сан-Гали, много лет участвовавшего в фабричных присутствиях, «...мы относились к протоколам обвинений промышленников по возможности снисходительно», и «...когда нам всем (помощнику градоначальника, прокурору, жандармскому начальнику и заводчикам) было жалко обязать подсудимого платить 200-300 руб. штрафа», и тогда «мы» судили по аналогии правил мировых судей...» [1, 103], т. е. подвергали административному наказанию – штрафу в размере 15 рублей.

Опубликование закона вызвало недовольство фабрикантов. По их мнению, закон не отвечал требованиям коммерции: во-первых, невозможна ежемесячная выдача рабочим заработной платы, так как необходимо дополнительное время для своевременного расчета; во-вторых, взыскания за некачественную работу и испорченный материал не должны поступать в пользу вспомогательного рабочего фонда; в-третьих, фабричный инспектор не имел права контролировать список товаров, продаваемых в фабричных лавках, и понижать установленные хозяином цены; в-четвертых; освещение мастерских должно осуществляться за счет рабочих, а не хозяина, и наконец, в расчетных книжках, выдаваемых рабочим, не следует перепечатывать текст нового закона [4, 119-120].

На практике владельцы фабрик и заводов понимали и применяли закон так, как им было выгоднее.

Выше уже отмечалось, что низкие штрафы не пугали фабрикантов. При осмотре фабрики Комракова в Волоколамском уезде Московской губернии фабричный инспектор обнаружил различные нарушения закона, за что владельца фабрики оштрафовали на 50 руб. А спустя 6 лет вновь выяснилось, что на означенной фабрике нигде не были вывешены ни правила, ни расценочные ведомости, ни цены на продукты в фабричной лавке. И снова был составлен протокол, подлежащий рассмотрению в Московском по фабричным делам присутствии¹.

Фабричный инспектор проф. И. Янжул в своих мемуарах приводил примеры «применения» закона хозяевами на практике. Владельцы фабрик попрежнему считали возможным снижать заработную плату своим рабочим посредством штрафов. Согласно ст. 30 закона на рабочих можно было налагать следующие взыскания: за неисправную работу, за прогул, за нарушение порядка, но ст. 33, пункт «д» нарушением порядка признавала и «непослушание». Нераскрытость термина позволяла трактовать его очень широко, чем пользовались хозяева: владельцы одной из фабрик подвели под графу «непослушание» до шестидесяти различных поводов наказания, другие – тридцать четыре.

По закону, за некачественную работу фабрикант имел право штрафовать рабочих, и эти деньги, минуя карман хозяина, шли в штрафной капитал на нужды рабочих. Для их присвоения фабриканты изменили порядок оплаты: они заработок рабочего

¹ Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф.17. Оп.77. Д.433. Л.8, 13

поделили на две части. Первая – это гарантированная зарплата, а вторая – премия. Например, за хорошую работу рабочий получал три рубля, а за некачественную получал два рубля, и тот рубль, которому следовало поступить в штрафной капитал, фабрикант присваивал себе.

Далее, ст. 17 (О найме) воспрещала взимание с рабочих платы за освещение мастерских и за пользование инструментами. Обходя эту статью, некоторые фабриканты прекратили вычеты с рабочих за освещение и за орудия производства, но зато обязали рабочих иметь их от себя и за свой собственный счет [6, 228-229, 221-222, 225].

Принуждая рабочих покупать продукты в фабричной лавке, фабриканты имели дополнительный источник дохода за счет разницы цен в фабричной лавке и на вольном рынке. Ст.15 закона (О найме) запрещала делать вычеты из зарплаты рабочих на уплату их долгов, за исключением расчетов, производимых фабричным управлением за продовольствие рабочих и снабжение их необходимыми предметами потребления из фабричных лавок. Этой лазейкой в законе отлично воспользовались фабриканты, которые стали отпускать товар в кредит, а рабочие, не стесняя себя расходами, делали непроизводительные затраты, покупая вещи и продукты, без которых они могли свободно обойтись. И в результате оставался в чистом барыше все тот же хозяин [3, 719].

Отныне, по закону, надзор за деятельностью фабричных лавок возлагался на инспекторов, что вызвало недовольство фабрикантов. Они жаловались на них или устраивали травлю. В частности, попытка одного из инспекторов ограничить продажу в лавке дорогих сортов рыбы и заменой их более дешевыми была расценена как стремление запрета постной пищи, предписываемых церковью [5, 44].

Отмечая справедливость требований, приносимых инспектору рабочими, все же отметим, что не всегда они были правы. Довольно часто труженики не выполняли условия договоров, в первую очередь нарушали сроки найма. Летом 1898 г. фабричный инспектор рассматривал жалобы рабочих Б. Филиппова, А. Мокеичева и Н. Косарева, работавших в Товариществе мануфактуры Л. Рабенек. Суть претензии рабочих заключалась в следующем: в середине июня, работая в сушильне, им стало плохо, и они потребовали расчета, но их просьбу не удовлетворили и они самовольно оставили работы. Проведя расследование, фабричный инспектор выяснил причину отказа: во-первых, никто из рабочих смены не видел, чтобы жалобщикам стало душно. Во-вторых, жалобщики занимались на срок с Пасхи до 1 октября и уважительных причин к расторжению договора не представили, следовательно отказ получили на законном основании. Нарушив условия договора и самовольно покинув предприятие, они должны быть привлечены к ответственности¹, т. е. подвергнуты аресту на срок не свыше одного месяца.

Аналогичный случай произошел на фабрике М. Меттик. Рабочие потребовали расчета к 1 июля 1898 г., но получили отказ, так как занимались на 2 месяца – с 1 июня до 1 августа. Фабричный инспектор разъяснил необоснованность их претензии. Одни рабочие возобновили работу, а другие продолжали настаивать на своем. Заведующий фабрики привлек часть рабочих к ответственности за самовольное оставление работы².

Рабочие пакетной фабрики Вальского 14 сентября 1898 г. не пожелали работать по случаю праздника Воздвижения честного и животворящего Креста Господня, хотя правилами внутреннего распорядка фабрики упомянутый праздник отнесен к числу рабочих дней³.

Иногда рабочие вводили в заблуждение фабричных инспекторов для удовлетво-

¹ ЦИАМ. Ф. 17. Оп.77.Д.433. Л.160, 160 об.

² ЦИАМ. Ф. 17. Оп.77.Д.434. Л.71, 71 об.

³ ЦИАМ. Ф. 17 Оп.77. Д. 434. Л. 101.

рения своих просьб, не имея на то никаких оснований. Так, рабочий В.Д. Калашников, работавший на фабрике Шлихтермана в Подольском уезде при селе Юсупово, в мае 1896 г. написал инспектору прошение, в котором утверждал, что при расчете ему не выдали паспорта, и просил инспектора разобраться в данном вопросе.

На свой запрос инспектор получил ответ из фабричной конторы, что рабочий В.Д. Калашников действительно показывал мастеру свой паспорт при приеме его на работу в апреле месяце 1896 г. Но «... 10 мая Калашников самовольно отлучился с фабрики неизвестно куда, а 20 мая, являсь в контору, заявил, что он был в Москве со своею женою на народном празднике (коронация Николая II –Ю.Б.), где у него задавили насмерть жену, почему потребовал себе расчет, который и был тотчас же удовлетворен, в чем и имеется его расписка, затем просил в конторе совета как ему поступить с паспортом, так как свой старый он не знает, где утерял и просил написать с его слов в этом записку для получения за погибшую жену 1000 рублей награды...»¹.

Не все рабочие попадали под действие закона. Фабричный инспектор, разбирая в июле 1898 г. жалобу М. Калашникова и Е. Горбунова на «неправильные» выданные им расчетные книжки, за задержку зарплаты и паспортов фабрикою К⁰ Богородско-Глуховской мануфактуры, установил, что означенные рабочие нанимались для ремонта квартир служащим и мелких поделок. Они не являлись постоянными столярами предприятия, а потому не подлежали надзору фабричной инспекции².

Согласно правилам внутреннего распорядка, вынужденные прогулы рабочим фабрики Товарищества Третьякова и К⁰ подлежали оплате хозяином, но последний занижал их количество. В результате рабочие получали меньше, чем следовало, и жаловались инспектору на обман. Последний постоянно разъяснял рабочим, что о неправильном учете прогулов и расплате за них надлежит доводить до его сведения своевременно, а не тогда, когда увольнялись с фабрики. Разрешить эти конфликты инспектору по истечении времени было трудно³. По мнению рабочих, если инспектор не принимает их сторону, он «похоже подслепой бывает и не видит, что где делается»⁴.

Закон расширил исполнительные функции инспекторов, и объем работы значительно вырос, а штат – всего на 10 человек. Малочисленный состав инспекторов не успевал обследовать все фабрики, попадавшие под действия закона, и предотвращать конфликты. Экономия на штате при ликвидации беспорядков вызывала, как считал начальник жандармского управления генерал Середа Н., расходов в 3-4 раза больше, чем содержание еще одного инспектора [3, 738]. Рабочие также просили власти увеличить штат инспекторов и распространить действия закона на другие губернии.

Отмеченные недостатки закона и трудности его применения на практике не могли закрыть главного: закон сделал первый шаг, чтобы взаимоотношения рабочих и фабрикантов строились на правовой основе. Он мог бы стать исходной точкой трудового законодательства, с которой открывалась бы перспектива его развития. Например, сокращение продолжительности рабочего дня, разрешение на создание профсоюзов и право на забастовку, оказание материальной помощи за потерю трудоспособности и пенсионное обеспечение, повышение их квалификации и организация досуга рабочих, И, несомненно, через одно-два поколения Россия имела бы других фабрикантов и другой рабочий класс.

¹ ЦИАМ. Ф.2005. Оп. 1. Д.1. Л.9, 10, 10 об.

² ЦИАМ. Ф. 17 Оп.77. Д. 434. Л. 91,92.

³ ЦИАМ. Ф. 17 Оп.77. Д. 602. Л. 1, 4, 4 об.

⁴ ЦИАМ. Ф.17.Оп.77.Д.433 Л.48.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лунц Г.М. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России. М., 1909.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3. Т. VI. 1886. № 3769.
3. Рабочее движение в России в XIX веке / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1952. Т.3. Ч.2.
4. Юридический вестник. 1887. № 1.
5. Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864 -1909. Вып. 2. СПб., 1911.
6. Янжул И.И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907.